

Т. Л. Никольская. Авангард и окрестности

© 2003, Богомолов Н.А.

Книга Т. Л. Никольской не первая в серии, выпускаемой издательством Ивана Лимбаха в едином оформлении и тем самым единой по замыслу, который, однако, не так просто определить. В серии выпускаются книги известных филологов (преимущественно литературоведческие), сделавших для науки гораздо больше, чем это нашло отражение в их ранее изданных работах. Действительно, «Этюды о Блоке» А. В. Лаврова – всего вторая его книга; «Семиотические путешествия» – первая литературоведческая книга Т. В. Цивьян, «Риторика повседневности» Е. Рабинович и «Герметизм и герменевтика» Лены Силард – вовсе первые в биографиях авторов. Меж тем все эти имена известны любому грамотному филологу, а многие работы, в книги включенные, относятся к числу классических.

«Авангард и окрестности» Т. Л. Никольской также могла бы оказаться первой книгой автора, если бы двумя годами ранее московское издательство «Пятая страна» не опубликовало ее небольшую монографию ««Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917 – 1921)». Но вообще-то говоря, имело бы смысл эти две книги объединить, так как пересечения их удивительно многочисленны. Весь первый раздел «Авангарда и окрестностей» занимают статьи о литературной жизни старого Тифлиса (или, как милее автору – Тбилиси), преимущественно в авангардной его ипостаси. Группа «41» и Игорь Терентьев, Илья Зданевич и Татьяна Вечорка, Юрий Марр (сын знаменитого лингвиста) и Александр Чачиков, грузинские поэты и филологи – вот основные герои первой половины книги.

Воссоздавая панораму футуристического Тифлиса, Никольская буквально взрывала целину, как бы ни было банально это сравнение. И в результате создавалась (да и продолжает создаваться: некоторые работы помечены совсем недавними датами) объемная картина литературной и – шире – культурной жизни города, так много значившего не только для своей национальной культуры, но и для всей России.

Вторая часть книги – работы о петербургской-ленинградской поэзии и прозе 10 – 20-х годов (Елена Гуро и Ольга Черемшанова, Константин Вагинов и Александр Туфанов, Михаил Козаков и Анна Радлова, к которым прислоняются москвичи Константин Большаков и Глеб Алексеев). Не только в опубликованных здесь работах прослеживается единый почерк, но и в тех, что остались за пределами книги.

Стоит отметить, что Никольская не только пишет исследования о своих героях, но зачастую и впервые представляет их читателю: под ее редакцией появились собрание сочинений И. Терентьева (в сотрудничестве с покойным Марцио Марцадури), сборник стихотворений Юрия Марра, проза К. Вагинова (совместно с В. Эрлем), «Ушкуйники» А. Туфанова (совместно с Ж. -Ф. Жаккаром), большая подборка стихотворений О. Черемшановой. Расширение читательского кругозора составляет важнейшую часть ее исследовательской программы.

Но, вероятно, будь рецензируемая книжка лишь сборником литературоведческих статей, по большей части известных, вряд ли она воспринималась бы еще и как произведение очень цельное, – а речь идет именно о таком издании. Скрепляют его, на наш взгляд, мемуарные очерки, составившие последний, третий раздел книги. Люди, ставшие его героями, очень разные, – переводчик И. А. Лихачев и постепенно возвращающийся к русскому читателю не только в ипостаси переводчика с классических языков и автора книги «Гомер в русских переводах», но и интереснейший литератор А. Н. Егунов, Алексей Хвостенко и И. Бродский (следует отметить, что в этом очерке совсем нет дешевого

панибратства и назойливой коленопреклоненности, составляющих отличительную черту большинства воспоминаний о Нобелевском лауреате); но, может быть, характернее и важнее всего среди них – Леонид Чертков и «театрализатор собственной жизни» А. Г. Сорокин.

Имя первого запомнили читатели еще «Краткой литературной энциклопедии», где ему принадлежало множество статей о писателях преимущественно XX века и преимущественно забытых, а потом те, кому везло, получали возможность прочитать приготовленные им к печати сочинения Нарбута и Вагинова, рассуждения о забытом литературном контексте раннего Пастернака и книжку о Рильке в России. Сравнительно недавно, сначала в журналах (еще при жизни), а затем и отдельными книжечками (уже после смерти), появились его стихи. Воспоминания о Черткове проясняют стремление Т. Л. Никольской как можно глубже проникнуть в тот пласт жизни, где литература постепенно превращается в широчайшее поле разнородных опытов, которое мы из своего далека пытаемся объять взглядом.

Небольшой мемуар о Сорокине открывает ту сторону исследовательских устремлений Никольской, которая обозначается первым словом из названия книжки. Русский авангард в различных его изводах скрепляет своей энергией прихотливые интересы автора, а его далекое дыхание, согревая последователей, оживляет, казалось бы, окончательно забытые страницы истории.

Н. БОГОМОЛОВ